

Первые
ЛЮДИ

В. Г. Тан-Богораз
Жертвы Дракона
На озере Лоч

Первые люди

Владимир Тан-Богораз

Жертвы дракона. На озере Лоч

Издательство "Руда"

2019

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Тан-Богораз В. Г.

Жертвы дракона. На озере Лоч / В. Г. Тан-Богораз —
Издательство "Руда", 2019 — (Первые люди)

ISBN 978-5-6041907-8-4

Как жили на земле первобытные люди за много тысяч, или десятков тысяч лет назад? Какие у них были обычаи и страсти, семейное устройство и войны, религия и сказки и игры? Часть ответов на эти вопросы Вы найдёте в книге. Роман «Жертвы Дракона» основан на распространённой легенде о девушке, отданной в жертву дракону, и юноше, защитившем её. В роли Дракона выступает один из последних ящеров третичного периода. В роли юноши – первобытный мятежный охотник Яррий, не желающий слепо покоряться колдунам, шаманам и судьбе. Повесть «На озере Лоч» относится к более поздней эпохе свайных построек. Эта повесть о войне двух племён и о любви, которая помогает победить вражду. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6041907-8-4

© Тан-Богораз В. Г., 2019
© Издательство "Руда", 2019

Содержание

Предисловие	6
Жертвы Дракона	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Тан-Богораз Жертвы Дракона. На озере Лоч

Иллюстрации Роман Кашин

Предисловие

Как жили на земле первобытные люди за много тысяч, или десятков тысяч лет назад? Какие у них были обычаи и страсти, семейное устройство и войны, религия и сказки и игры?

Нам остались от них только немногие обломки оружия и утвари: каменные топоры, костяные стрелы, глиняные черепки, бусы, рисунки животных и другие подобные вещи, добытые в раскопках и собранные в музеях. По этим скудным остаткам было бы трудно и почти невозможно восстановить картину древней человеческой жизни, наивной и свежей и пёстрой.

Однако, помимо копий и стрел, на земле уцелели другие обломки ранних веков, живые, облечённые плотью и кровью. Это – осколки весьма первобытных племён, самые дикие из диких, оттеснённые в разные глухие углы земного шара, в дальние горы, в полярные страны, на группы островов, затерянные в океане. Таковы в Азии – чукчи и юкагиры, гиляки и айны, андаманезцы и ведды, в Америке – эскимосы и печереги, в Африке – бушмены и акка, и сотни других.

Они весьма малочисленны и быстро вымирают, однако, ещё не вымерли до конца, как дронг и морская корова. Их утварь и оружие, украшения и рисунки представляют поразительное сходство с остатками пещерной эпохи французской, английской и бельгийской, или времени свайных построек на швейцарских озёрах. По их быту, их страстям, их верованиям можно с большой вероятностью восстановить раннюю жизнь человечества и облечь её красками.

Именно этим методом я руководствовался, подбирая материалы для моих произведений.

Роман «Жертвы Дракона» представляет попытку восстановить то реальное зерно, которое должно заключаться в широко распространённой легенде о девушке, отданной в жертву дракону, и юноше, защитившем её. Образ дракона имеет всемирную известность на востоке и на западе.

Дракон является племенным гербом у различных народов, например, у древних германцев, и государственным гербом у китайцев. Можно предположить с большой вероятностью, что этот фантастический образ представляет стилизованное воспоминание о гигантских драконах-ящерах, в том числе и о летучих, как птеродактили, – действительно существовавших на земле. Ко времени появления человека, во второй половине третичного периода, эти ящеры драконы должны были вымереть, но тем с большей силой должны были действовать немногие уцелевшие чудовища на воображение первобытного, ещё беспомощного человека.

Эти последние животные гиганты для человеческих племён являлись божеством, воплощением стихийных таинственных сил, злых или добрых. Дракон, ставший гербом, это дракон-покровитель. С другой стороны, до сих пор даже в так называемых «высших» религиях дракон или змей с лапами и крыльями является главою и худшим воплощением злых духов, враждебных человеку.

В указанной легенде юный герой обыкновенно побеждает дракона и женится на освобождённой девушке. Но скорее могло случиться обратное. Об этом как будто свидетельствуют подробности легенды, – ужас, внушаемый драконом, производимое им истребление живущих по соседству людей и эти постоянные жертвы, приносимые дракону. Только ужас, внушаемый некогда драконом людям, на своих чёрных крыльях донёс к нам это злое воспоминание от древней эпохи раннего палеолита.

Но легенда, стилизуя прошлое, не могла примириться с поражением и гибелью героя, как было, должно быть, на деле. Ибо легенда – это вера человечества и она из прошедшего всегда устремляется к грядущему. И вера человечества есть вера в конечную победу и конечное торжество над всеми драконами, над всеми злыми силами земли и небес.

Вот почему, в волшебном фонаре расцветенного вымысла, какой-нибудь слабый борец с его костяным копьём и деревянным луком, съеденный некогда ужасным ящером, воскрес победителем, человеко-богом, Юрием-Победоносцем.

Мой Яррий – это именно реальный прообраз победоносного Юрия. Внуки и правнуки Яррия не желали допустить, что их бесстрашный предок мог погибнуть в пасти чудовища, и в старой зловещей легенде тотчас же переделали конец. Мировая легенда – роман о драконе и юноше с девушкой, как и все мировые романы, кончается победою и счастливым браком. Только остаётся прибавить:

И я там был, мёд-пиво пил,
По усам текло, да в рот не попало.

Я оставил роман свой как бы неоконченным, ибо я не хотел дать свирепому дракону пожрать благородного Яррия и не мог дать Яррию побить дракона. Пусть же читатели сами кончают, как хотят...

Но худшие драконы – это создания нашего воображения, и тогда драконоборец становится героем-богоборцем, героем-мятежником и революционером. Он борется не только с телесным, физическим чудовищем, но и со зловещими уставами собственной эпохи, собственного племени.

Богоборцем-мятежником, первым революционером древнейшего палеолита, я сделал своего Яррия. И пусть не говорят, что это надуманный образ, ибо от самой седой древности в человеческом сердце, рядом со слепую покорностью самосозданным чудовищам, живёт и неверие, и смелый порыв к отчаянному противоборству. И я сам встречал неоднократно у чукчей, у эскимосов, у тунгусов и юкагиров, таких точно юношей, как Яррий, которые, на зло колдунам и шаманам и сложной сети духов и демонов, заполнивших весь первобытный кругозор от земли и до неба, утверждают себя в неверии и всех духов, и «верхних, и средних, и нижних», вызывают на бой.

Кошунственные речи первобытного атеиста заимствованы мною из действительных речей, слышанных мною где-нибудь у вечернего костра среди необозримой тундры или на берегу морском, перед лицом ревущей бури.

И также из действительной жизни первобытных племён заимствованы мною и другие фигуры и сцены романа.

В охоте на диких оленей мне самому приходилось участвовать, а также и в празднике воскресения зверей, с той разницей, что центральное место, вместо огромного древнего мамонта, занимал такой же огромный кит.

Праздник вытирания огня из дерева существует в разнообразнейших формах, даже у культурных народов.

Эпидемии я видел не менее опустошительные, чем описанная в романе, и видел, как шаманы передевали обезумевших женщин мужчинами и мужчин женщинами, чтобы обмануть невидимых духов-убийц.

Разделение полов, весенние пляски и брачные оргии тоже являются общим явлением. Первобытная жизнь совсем не является простой. Она проявляет ту степень общественной сложности, какая изображена в романе.

Ибо судьба человека первобытного и судьба человека современного подчинены одним и тем же законам. Из далёкого прошлого в безмерно далёкое будущее устремляется мужество Яррия-богоборца и нежная душа его подруги Ронты, когда они вместе плывут по быстротекущей реке бытия в хрупкой лодке собственного воображения.

Я ничего не сочинял, я только комбинировал. Образы, легенды, рассказы заимствованы у разных племён и северных, и южных. Последняя песнь Ронты – лишь вольный перевод поли-

незийского предания о затмении солнца. На основе всех преданий, сплетённых мною в цветочный венок повествования, я старался осознать и углубить эту мечту палеолита.

Повесть «На озере Лоч» относится к эпохе свайных построек. Действие её происходит приблизительно на севере Италии, на одном из озёр. Два племени приходят в столкновение. Одно принадлежит к смуглой и темноволосой расе ранних обитателей Европы. Самое имя его «селоны» имеет отношение к группе племенных имён, наиболее древних в Италии: сикюлы, сиканы (также валлийские силуры). Имя это было упомянуто в романе «Жертвы Дракона», который относится к более ранней эпохе.

Другое, белокурое племя явилось с востока и принесло с собою бронзу и домашний скот, верховых лошадей и телеги.

Его имя – мидийского корня, подобно многим другим именам восточной Европы, известным из древних эпох.

Для быта приозёрных рыбаков мне служили образцом юагиры, чукчи и иные туземцы Берингова моря, по личным наблюдениям, также и другие племена по литературным источникам. Для быта скотоводов я старался использовать то, что нам известно о древних германцах и гуннах и скифах и индийских арийцах ведической эпохи.

Воинские игры и пляски, легенды, колдовство и заклинания – всё это заимствовано из действительной жизни различных племён. В частности, рыбы пляски и насмешливые песни девушек взяты у центральных эскимосов, заклинания Низеи и её галлюцинации и весь ход оживления оглушённого Аслана составляют только вариант шаманских заклинаний, весьма распространённых среди множества племён. Полёт Низеи в загробное царство в порыве шаманского экстаза и битва её с Крылатою Бабой из-за маленькой души Аслана взяты почти буквально из «Рассказа о безруком шамане», очень известного на крайнем северо-востоке Азии.

Страсти и чувства героев моей повести, несмотря на всю простоту их быта, в общем похожи на наши. Ибо это всё-таки люди, такие же, как мы. Мало того, это люди уже совершившие в прошлом сложную и своеобразную культурную работу. Ибо добывание огня, рыболовство и охота, выделка оружия и платья, постройка жилищ, даже весьма первобытных, всё это предполагает множество изобретений и технических приспособлений, уже известных и испробованных в деле, и требует огромного духовного труда, о котором мы слишком часто забываем в своей городской кичливости.

Если, в виде примера, взять рассказы миссионеров и поверхностных туристов о таких племенах, чей язык будто бы состоит всего из нескольких сотен слов, и которые поэтому не могут разговаривать в темноте без пояснительных жестов, – то эти рассказы почти всегда основаны на недоразумении. При более тщательном изучении сотни слов разрастаются в десятки тысяч.

Нам нечем особенно гордиться перед дикарями. Мы тоже достаточно дики и грубы, хотя и летаем на аэроплане. Все мы, земные люди, более или менее дикие, сделали только несколько первых шагов по дороге прогресса. Но путь перед нами широко открыт и далёк бесконечно.

В. Г. Тан (Богораз)

Жертвы Дракона Роман

Глава 1

Юн Чёрный встал в полночь, когда другие спали. Было тихо, только река Дадана слабо шумела внизу под обрывом. Юн вытер росу со своего нагого тела, слегка потянулся, сдерживая дрожь, потом посмотрел на звёзды. Звёзды были благосклонны. На краю неба уже поднимался Охотник¹ в ярком Поясе из трёх светлых Раковин и протягивал вперёд свой остропламенный Дротик². Дикие Олени³, которые пасутся на берегах Песчаной Реки⁴, не пошевелились, и яркое око Отца⁵, вечно недвижимое в небе, мигало, как будто говорило: «Ищи».

Юн Чёрный опустил голову вниз и посмотрел на воинов. Их голые тела смутно белели в слабом свете звёзд. Ночь была холодная, но перед крупной охотой или войной Анаки остере-

¹ Орион.

² Альдебаран.

³ Кассиопея.

⁴ Млечный Путь.

⁵ Полярная звезда.

гались закапываться в листья или покрываться плащами из шкур. Они спали нагие, на голой земле, как змеи или как камни.

Перед этой охотой даже костров не зажигали. Анаки ждали оленей. Запах дыма мог бы заставить пугливое стадо свернуть в сторону. Уже девять дней Анаки сидели на берегу реки Даданы без огня и почти без пищи. Они даже говорили шёпотом и в разговоре называли оленей уклончивым именем – «Серые Лица», чтобы колдуны оленьего стада не услышали и не поняли.

Юн Чёрный пытливо смотрел на белые тела. Воины спали или притворялись спящими, ибо никто не должен был видеть, как он уходит. Юн Чёрный был колдун ночной, полусокрытый. В эту ночь он шёл на борьбу с колдунами оленьего племени, и ему не нужно было ни друга, ни помощи.

Воины спали, старые и молодые. Юн узнавал знакомые фигуры. Вот Альф Быстроногий, Мар Красивый и Несс, друзья-соперники, Илл Бородатый, Лиас большой и много других. Они походили на белых тюленей, заснувших на песке.

Отроки спали отдельно от взрослых. Они ещё не приняли обета посвящения и не прошли установленного искуса в роще терновой под хлесткими прутьями и потому не имели права спать рядом со взрослыми.

Кроме воинов и отроков, в лагере никого не было. Это была мужская орда. Племя Анаков делилось на две половины, мужскую и женскую. Они обитали отдельно весной и летом и сходились вместе только после великих охот на праздник осеннего солнца. Этот праздник был также праздником брачным. Там составлялись новые пары и начинались новые дети Анакского племени. И через девять месяцев, весной, дети Анаков рождались на свет к новому теплу и изобилию пищи.

Юн Чёрный взял копье, потом подобрал мешочек с красками и сошёл к реке. Он три раза окунулся в свежие волны, совершая обряд очищения, вытер тело песком, стараясь скрести свою кожу как можно сильнее. Тело его горело. Он поднялся обратно наверх, но не пошёл на становище, а углубился в ивовые заросли, которыми были покрыты берега Даданы. Они сплетались стеной, густой и невысокой. Ему приходилось пробираться почти ползком, как пробирается лисица на охоте.

Постепенно кусты поредели; открылось волнистое взгорье, пересечённое ущельями, поросшее лесами, смутно черневшими во мгле. Перед Юном была тропинка. Она пропадала и снова появлялась, раздвигала кусты и уходила в горы. Это была оленья тропа.

Олени каждую весну собирались стадами и спускались с гор на моховые пастбища у берегов океана. Они шли прямо, с юго-востока на северо-запад, и переплывали по дороге широкие реки. На реке Дадане у них были три битые тропы. Анаки сидели на средней тропе у Лысого Мыса. Они кололи оленей длинными копьями в волнах реки и в удачный год убивали тысячи.

Стада за стадами являлись в разное время. Сперва приходили матки с телятами, потом быки. Анаки находили такое разделение совершенно естественным. Они говорили, что олени живут раздельно и сходятся осенью справлять в дальних горах праздник осеннего солнца, и ставят колесо, и пляшут кругом попеременно с жёнами, точь-в-точь как люди.

Юн Чёрный добрался до леса и остановился на опушке. Он встал на оленьей тропе, чтобы чарами привлечь запоздавшее стадо.

Прежде всего он решил испытать добрые чары и льстивые слова. Он вынул из мешка щепотку красной охры, смешанной с жиром, размял её между пальцами и стал выводить на груди, животе и на бёдрах красные мирные знаки. Это были кисти рук с загнутыми пальцами, крючки с петлями. Юн повернулся боком так, чтобы эти крючки протягивались вперёд, навстречу предполагаемым оленям.

– Мы ждём вас, серые друзья, – заговорил он самым убедительным тоном. – Придите. Мы снимем ваши шубы, и вы отдохнёте. Мы вас согреем у тёплого огня. Мы вам постелем мягкие шкуры...

Он замолк и остановился, прислушиваясь. Ничего не было слышно. Олени не являлись. Тогда он начал второе заклинание, более сильное, – брачное заклинание весенней охоты.

Ибо охота на маток и тёлочек весной считалась, как брак. Это была первая красная свадьба анакских охотников.

Юн говорил:

Жёны олени, сдавайтесь.
Я внушаю вам страсть.
Пусть запах мой вас привлекает, как мускус.
Пусть песня моя для вас будет, как ягель.
Спешите на пир...

Он делал зазывные жесты, кружился и прыгал, изображая брачную пляску Анаков. Эту пляску они плясали перед жёнами без копья и без всякого оружия. Юн Чёрный перед весенней охотой плясал её с копьём в руках.

Серые жёны, сдавайтесь,
Мы возьмём вашу плоть...

– Пел Юн.

Он снова остановился и прислушался; потом встал на колени и припал ухом к земле. Земля молчала. Ни один звук не говорил о приближении желанного стада.

Чёрный Юн рассердился.

Он быстро стёр со своего тела красные знаки приветия, вынул кусок чёрного камня и стал проводить на груди грубые черты, прямые и кривые. Это были знаки войны и вызова. Они изображали открытые пасти, усеянные зигзагами зубов, прямые разящие копыта, большие круглые глаза.

– Серые шкуры, – заговорил Юн, – идите биться. Волчья сыть, мы выпьем вашей крови...

Юн долго ждал и слушал, но олени не являлись.

– Мы выпьем вашей крови, – повторил Юн. Брюхо его сжалось от голода. Алчный рот стянулся, как будто от оскомины.

Тогда Чёрный Юн начал молиться богам. В своём полуночном коварстве он с тайным расчётом помолился сперва солнцу, богу дневному и богу чужому и сказал ему так: «Красное Око, посмотри хорошенько, не найдёшь ли ты этого стада. Я дам тебе жиру».

Солнце не отвечало.

Юн стал поминать всех богов и духов, которые ему приходили на ум: Речного Бога, трёхпалого, с одним глазом; Горного Духа с гранитной головой, замурованного в утёс. Он обратился даже к собственному брюху и сказал ему так: «Брюхо, запой, дай знак о приближающейся пище». Но брюхо молчало.

Только тогда Юн обратился к последнему богу, грозному богу Дракону, тому, кто поглощает солнце и извергает его обратно. То был его собственный бог, древний бог, малоизвестный людям, бог полуночи, таинственный, странный, лукавый.

Юн обратился к нему, полный трепета, и сказал ему так:

– О, Дракон, как ты поглощаешь солнце, дай мне поглотить этих оленей... Сделай хоть знак... Я дам тебе жертву.

Юн подождал.

– Тёлку молодую, лучшую из стада...

Бледное лицо луны поднималось с востока. Лицо луны было лицом Дракона. Оно смотрело на Юна и насмешливо улыбалось.

– Белую тёлку... – сказал Юн. Он сам не знал, что обещать больше. Белые тёлки были редки, иногда за всю охоту не попадалось ни одной.

Он замолчал и стоял, ожидая. Бледное лицо в небесах молчало и улыбалось.

Тогда Юн вспомнил о женской орде. Она стояла на реке Дадане, за полдня ходьбы вниз по течению. Там были матери с детьми, девушки, старухи. Обитая отдельно, они получали запасы от промысла мужчин. Во время оленьей охоты на реке Дадане они выезжали в широких ладьях и ловили туши, которые несло по течению. Мужчины брали себе только тех животных, которых прибывало к берегу тут же, на месте охоты.

Юн вспомнил женский лагерь, и сердце его сжалось. В женском лагере жила Юна, жена колдуна. Чёрный Юн сошёлся с ней четыре года назад из-за сходства имён, а также из-за её пушистых светлых кос. С тех пор они встречались каждую осень, не ища и не желая никого другого. В первую весну после их брака Юна принесла ребёнка, мальчика. Юн видел его только по зимам. Он не знал даже его тайного имени, данного старухой-гадальщицей. В разговоре с Юной и вслух перед другими они называли его Мышонком. Но он думал о своём белом Мышонке в эти голодные вешние дни. И даже колдовством своим он привлекал мелкую добычу, куропаток и зайцев и посылал их в женский лагерь, прямо к сыну.

Но в эту скупую, холодную полночь всё колдовство его было бессильно. Безумный гнев охватил Юна, он заскакал на месте и закружился, как будто ужаленный осой.

Сами собой к устам притекли богохульные слова:

– Божонки, нищие, дать вам нечего. Дух Лесной, и Дух Речной, и Дух Озёрный, идите сюда. Я вас съем...

Раздался треск сучьев. Из-за толстого древесного ствола поднялось что-то большое, тёмное. Юн вздрогнул и смолк. Потом сделал движение, чтобы бежать, но остался на месте. Мохнатая чёрная грива, которая принесла ему прозвище Чёрного Юна, зашевелилась от страха на его голове.

В бледном свете месяца Юн увидел грузную чёрную фигуру. Она встала и выпрямилась. Она показалась ему неслыханно огромной. Вид её был, как вид медведя, вставшего на дыбы. Дух Лесной в образе медвежьем явился на зов и приближался к дерзкому колдуну.

Юн стоял и ждал с тупым отчаянием в душе. Фигура подходила всё ближе. Он слышал хруст веток под её ногами и тяжёлое дыхание.

И вдруг чувство неминуемой опасности выросло и заслонило в нём суеверный ужас. Он не думал, но чувствовал: «Это – медведь, живой медведь».

Живой, настоящий медведь весной, пожалуй, опаснее, чем медвежий призрак. Он только что вышел из зимней берлоги, тощий, злой и растрёпанный. После зимнего поста он голоден, но найти весной еду трудно. Поэтому весной медведь опаснее, чем летом.

«Он сейчас на меня бросится», – чувствовал Юн.

Он выставил вперёд правую ногу, упёр перед нею в землю ясеневое древко своего длинного копья, подставил навстречу медведю костяное остриё и ждал, что будет.

Медведь уже обдавал его своим горячим дыханием. Юн глянул на него, и ему показалось, что, несмотря на близость, чёрное чудовище сделалось как будто меньше.

Страх Юна сменился яростью.

«Твоя погибель или моя», – подумал он, стискивая зубы. – «Медведь ты или дух...»

И вдруг, в самую решительную минуту, когда копьё Юна уже касалось мохнатой груди чудовища, случилось что-то неожиданное, почти невероятное. Тёмная фигура быстро опустилась на землю и мягко, без всякого шума скользнула в сторону. И почти тотчас же налево от тропинки послышались звуки борьбы, странные храп и движения грузных тел.

«Олени», – подумал Юн. Он узнал бы этот храп из тысячи других.

Шум продолжался. Слышался частый стук, как будто кто колотил по дереву палкой. Это умирающий олень трепетал в агонии и бился копытами о молодые стволы. Вместе со стуком раздалось чавканье. Был ли это зверь или дух, но он был голоден и стал пожирать добычу ещё заживо.

Все мысли Юна перепутались.

«Стало быть, это медведь», – подумал он с облегчением. – «И олени пришли. Кто их прислал, какой бог?»

Бледное лицо луны заглянуло ему в глаза и улыбнулось насмешливо.

«Ага, ты...» – подумал Юн. – «Спасибо».

Медведь продолжал чавкать под деревом. Всё существо Юна зажгло от радостного голода и хищной жажды убийства.

Ещё минута, и он двинулся бы к дереву отнимать у медведя горячее, истерзанное мясо.

Внезапно с левой стороны послышалось хорканье, странное, тревожное, похожее на скрип сырого дерева и на плач ребёнка.

«Телёнок плачет...» – подумал Юн. – «Матку зовёт...»

Он весь согнулся, сжал копьё и быстрыми шагами стал пробираться на голос.

Хорканье повторилось левее, потом ещё левее. Телёнок не хотел уходить и описывал широкую дугу вокруг медведя и матери. Юн осторожно крался вперёд. Глаза его горели, как у волка, ноги ступали бесшумно, как будто на пружинах.

Телёнок опять хоркнул, и Юн увидел его. В свете луны он перебежал тропинку. Осторожность Юна была излишняя. Телёнок был маленький, глупый. Он бежал вперёд нетвёрдой рысцой, колеблясь между двумя инстинктами и двумя запахами. Один был знакомый запах матери; другой запах был крепкий и тёмный и внушал ему ужас, хотя он ещё не понимал, что это было.

Юн выждал минуту и твёрдой рукой пустил копьё. Длинное костяное остриё, острое, как шило, вонзилось телёнку в брюхо и вышло наружу с другой стороны.

Телёнок сделал скачок в сторону, задел ногами за древко копья, споткнулся, упал, хотел встать и не мог. Юн в два прыжка перескочил пространство, отделявшее его от добычи. Он придавил телёнка коленом, потом, видя что тот не перестаёт биться, достал из своего поясного мешка острый кремнёвый нож в чехле из дерева, искусно выдолбленном, и перерезал телёнку горло. Он припал к ране воспалёнными губами и стал тянуть сладкую, тёплую кровь, и это освежило его. После того он поднял маленькую тушу и вскинул её себе на плечи.

«Матка с телёнком», – думал он. – «Матки идут».

Оленьё тело на его плечах было гибкое, тёплое, как тело ребёнка, и он вспомнил в этой связи своего белого Мышонка, который в это самое время, может быть, умирал с голоду в женском лагере.

Юн подхватил своё копьё и быстрыми шагами направился на запад, слегка отклоняясь вправо к реке. Он не думал о медведе, который остался сзади и пожирал добычу, не думал также о становище своих братьев-охотников. Он направлялся к женскому стойбищу отнести своему голодному сыну первую добычу этой весны.

Глава 2

Женский лагерь помещался в лесистой ложине, доходившей до самого берега. Он не был похож на становище мужчин. В разных концах горели костры перед навесами, сплетёнными из ветвей и поставленными так, чтобы давать защиту от ветра. Малые дети не могли оставаться без огня и без крова.

Женщины вообще работали больше мужчин, и работы их были разнообразнее. Они плели корзины из прутьев, лепили горшки из глины, шили детям платье из шкур и варили для них пищу у огня. Детские зубки нуждались в мягкой пище. Мужчины, напротив, презирали все эти ремёсла и удобства. Пищу свою они жарили на камнях или пекли на углях. Многие части мяса, хрящи, потроха они потребляли сырыми. Иные воины давали обет есть всю жизнь только сырое. Это считалось признаком мужества и закалённости. Занимались мужчины только войной и охотой. В остальное время они приводили в готовность своё боевое оружие или попросту спали, всё равно – днём или ночью.

Весенний голод был для женского лагеря тяжелее, чем для мужского. Дети вообще были хлипкие, податливые к смерти. Они мёрли, как мухи, зимой от холода, а весной от голода. Женщины, кроме того, умели добывать пищу хуже мужчин. Они собирали съедобные корни и серых червей, ловили куропаток петлями. Но именно в это голодное время корни были жёстки, а куропатки редки.

Женщины выражали голод иначе, чем мужчины. Мужчины терпели молча, жаловаться считалось ниже их достоинства. Женщины кричали и бранились друг с другом и с собственными детьми. Иные пели, другие плакали, третьи вспоминали отсутствующих друзей, хотя это и считалось нарушением приличий. Особенно круто приходилось многодетным, но их было немного. Матери обычно кормили детей до пятилетнего возраста, рождения разделялись большими промежутками, и семьи были немногочисленны.

Всех круче приходилось Майре Глиняной, прозванной так за бескровный цвет лица. У неё была двойня, два шустрых мальчика по пятой зиме. Одного звали Антек, другого Лиас. Отцом Лиаса считался Лиас Большой из мужского лагеря, но он наотрез отказался от другого младенца, и после этого на праздниках любви уже не приближался к Майре. С тех пор Майра жила одна с детьми и не имела мужчины.

У неё уже не хватало молока для обоих младенцев. Она пробовала отлучать их от груди, но пищи тоже не хватало. Её дети были самые голодные и неугомонные во всём стойбище. И теперь они теребили мать за пояс, справа и слева, и неотступно кричали «Дай, дай!..»

– Где я возьму? – кричала несчастная Майра.

– Дай!..

Дети карабкались на колени и тянулись к груди матери.

– Нету! – кричала Майра. – Отстаньте!

– Леший, – прибавляла она с угрозой, – возьми этих мальчиков. Они еду просят.

– Зачем родила двоих? – насмешливо сказала соседка Аса-Без-Зуба.

Она сидела на корточках у своего костра, закутав спину вытертой шкурой оленя. Соседки накануне поссорились из-за деревянного приспособления для вытирания огня. Женщины Анаков отличались в зрелом возрасте вспыльчивым и неукротимым нравом. Никакие бедствия или лишения не смягчали их охоты к ссорам.

Майра молчала. Она сделала вид, что не слышала слов соседки.

– Один от человека, другой от дьявола, – сказала Аса.

Двойни были редки в племени Анаков и, как всё необычное, вызывали враждебное чувство.

– Оставь, – сказала старая Лото, которая сидела у того же огня и грела руки. – Лисица четырёх приносит, и все настоящие...

Лиас залез на колени к матери и добрался-таки до её груди. Он потянул губами сосок, но грудь была пуста, как опорожнённый мешок.

Мальчик в ярости укусил зубами сосок. Майра взвизгнула от боли и одним движением отбросила сына в сторону.

На грязной коже её обвислой груди показалась рубиновая капля, медленно налилась и упала вниз, как кровавая слеза.

– Зарежу! – крикнула Майра. Но мальчик быстро пополз в сторону на четвереньках, как молодой лисёнок. Он остановился на порядочном расстоянии и смотрел на мать тем же блестящим голодным взглядом.

Литта Златогривая сидела поодаль, не разводя огня. Она подостлала под себя свой меховой плащ, а её золотистые волосы рассыпались по голым плечам и грели не хуже плаща.

Она сидела, уткнувшись локтями в колени, и пела монотонным напевом старую песню о золотых яблоках. Это была любимая песня женщин. Молодые девушки часто пели её во время голода. Мужчины во время голода мечтали о мясе, свирепо и молча, как дикие звери. Женщины же охотнее вспоминали о ягодах, орехах и плодах, даже о таких, каких никогда не бывало в соседних лесах.

Золотые яблоки тоже не рождались в стране Анаков. По преданию, эти яблоки росли в счастливой стране Вияр, откуда пришли первые божественные люди, породившие племя Анаков.

Литта качалась, как пьяная, и пела тонким однообразным напевом:

Я была в золотом лесу.
Я рвала золотые яблоки.
Сочные яблоки...
Одно яблоко я взяла себе,
Другое отдала своему другу,
Сочные яблоки...

Винда и Рея-Волчица, две молодые матери-сестры, сидели в стороне вместе со своими младенцами. У них тоже пропало молоко в грудях, и они поили младенцев белым раствором «земляного жира» в воде. Это была съедобная глина, мягкая, белая и жирная на ощупь. В голодные дни дети Анаков поедали её горстями. Они белели от неё, как будто посыпанные пеплом; щёки и грудь покрывались мучнистыми пятнами, глаза мутнели и теряли блеск. Анаки говорили, что дети от «земляного жира» линяют, как тощая рыба.

Но в этой местности был редок даже съедобный жир земли. Его приносили с юга за полдня ходьбы. Там наплывал он белыми пятнами в горном ручье из-под нависшей полуразрушенной скалы.

Девочки-подростки копошились целой стаей у большого костра. Они были заняты важным делом: варили толкушу из древесной заболони. Дело это было медленное и трудное. Им распорядились три подруги: Яррия, Ронта и Илеиль. Они были одноклассницы и в ближайшую осень должны были подвергнуться обряду благословения чрева, который для женщин соответствовал мужскому обряду посвящения и составлял признание брачной зрелости.

Впрочем, в настоящее время их фигуры не имели никаких признаков зрелости. У них были тощие плечи, костлявые спины. Они отличались от мальчиков только гривой спутанных длинных волос, висевших по плечам. У Яррии были чёрные волосы, у Илеиль каштановые, у Ронты золотистые, почти такие же, как у Литты златогривой. Все девочки были наги. Они должны были получить меховой плащ только осенью, как первый подарок возлюбленного.

Больше всех хлопотала Яррия. Она отдавала приказания направо и налево:

– Девки, торопитесь... Милка, дров тащи!.. Скорее!..

Милка, совсем маленькая смуглая девочка, топталась у костра и плакала от голода и нетерпения. Но при этом окрике она поспешно утёрла слёзы и побежала в лес.

– Элла где? – спрашивала Яррия вдогонку.

– Сестра? – переспросила Милка. – Под деревом сидит, – прибавила она на бегу. – Злая, страсть. Я её позвала: «Пойдём к девкам», а она схватила полено...

– Девки, торопитесь, – крикнула Милка в свою очередь. – Дров тащите!.. Скорее!..

Она повторила окрик Яррии точно таким же повелительным тоном, потом побежала вприпрыжку по узкой тропинке вниз за своими подругами. Иные из них уже возвращались к огнищу с охапками хвороста. И, несмотря на голод и слёзы, им было весело. Вся эта затея походила на игру, и трудно было разобрать, настоящая она или не настоящая.

Ронта утвердила на земле странный сосуд, до половины налитый водою. Он держался на четырёх палках, крепко врытых в землю и поддетых под его края. В сущности, это был не сосуд, а мешок, сплетённый из корней. Но плетёнка была такая частая и ровная, что вода держалась, и ни капли не вытекало.

С десятков девочек сидели на корточках и скоблили заболонь. Она была двух сортов: тополевая со стволов и ивовая с корней. Тополевая была надрана длинными белыми лентами и лежала на земле, собранная в кучу. Ивовая была разбросана кругом узкими спиральными завитками, похожими на змей или на крупных червей.

Яррия разрыла длинной палкой красные уголья. Под грудой жара лежали круглые камни, которые собственно и служили для варки. Ловко действуя двумя палками, как будто щипцами, Яррия доставала камни из костра и опускала их в котёл. Вода скоро согрелась и задымилась от лёгкого пара. Потом стали выделяться крупные пузырьки, возвещавшие о близком кипении.

Ронта сидела, обхватив руками колени, и смотрела в огонь. Девочки с жадными лицами стояли кругом костра и дожидались, чтобы варево поспело.

Старших мальчиков не было в лагере. Они проводили целый день в лесу, рыскали взад-вперёд, искали добычи.

Только горбатый Дило остался дома. Ноги у него были кривые, и он так ослабел от голода, что не мог бы угнаться за другими товарищами. Но утром, когда они уходили, он тоже ушёл от костра сестры своей Пенны, по прозвищу Левша, и забрался в густой куст ольховника. Там, лёжа на мху, он мало-помалу объедал горькие почки, как заяц.

Однако тёплый смолистый запах толкуши дошёл и до куста, забрался внутрь и стал щеко-тать ноздри Дило. И скоро он не смог удержаться, вылез из своего убежища и стал понемногу приближаться к костру девочек.

Илеиль в последний раз попробовала древесную похлёбку.

– Готово, – сказала она. – Жрите, шакалки!..

Девочки бросились к плетёному котлу и стали засовывать в горячую воду свои грязные руки. Они обжигались и отскакивали назад, потом опять совали в котёл руки и даже носы. Они, действительно, напоминали шакалов, которые в то время ходили следом за человеческими ордами и при удобном случае готовы были сунуть нос в горшок и даже в огонь. Люди то били их, то относились к ним благодушно и даже бросали им негодные куски.

Дило совсем приблизился к костру. Он тоже походил на больного и хромого шакала. Милка, жадно поедавшая свою порцию, посмотрела на него и вдруг фыркнула от смеха. Она разбрызгала горячую жидкость во все стороны и чуть не подавилась, но потом справилась и промычала с полным ртом: «Мм... лягушонок!»

– Дайте мне тоже, – сказал Дило, протягивая руку.

Милка уже облизывала свои липкие пальцы.

– И девочкам не хватит, – сказала она. – Ты мальчик, иди птиц ловить.

– Чем же я мальчик? – жалобно сказал Горбун. – Я тоже девочка.

– Как девочка?! – хором запротестовала вся девичья гурьба.

– Если я сижу дома, то, значит, я девочка, – сказал Дило в виде аргумента.

– Врёшь, – сказала Милка. – У тебя и нос не такой, – прибавила она со смехом.

– Яррия, – громко позвал Горбун, – дай мне хоть одну стружку!.. Яррия не отвечала. Она скоблила ногтями внутренность плетёного котла. Твёрдые ногти звенели, как железо.

– Яррий кормил меня, – сказал Дило и вдруг заплакал. Плач его был, как кашель. Он прикрывал горстью рот и нос и лаял в ладонь странными звуками, как будто захлёбываясь.

Яррий был брат Яррии. После минувшей зимы он перешёл в мужскую орду вместе с тремя другими отроками и сейчас ожидал посвящения. Он был старше Яррии, но женская зрелость наступала раньше, чем мужская. Брат и сестра должны были пройти очистительные обряды в одно и то же время, после великих охот, перед осенним праздником солнца. Среди подростков Яррий славился охотничьей удачей, и даже имя у него было Яррий Ловец. В самое трудное время он всегда приносил что-нибудь – кролика или сову, связку рыб, пойманных острым шипом уды в водах Даданы, змею, сурка. Яррий Ловец в голодную вешнюю пору кормил Горбуна. В сытные летние дни Дило, несмотря на кривые ноги, не отставал от товарища. Они переходили с поля на поле, от перелеска к другому перелеску в поисках добычи.

Дило, несмотря на своё уродство, был мастер на все руки. Он плёл из крапивы частые сети для ловли золотопёрок в ручьях, делал дудочки из тростника и выманивал, подсвистывая на этой первобытной свирели, робких пищух из нор в песке. Он умел также рассказывать длинные сказки, которые никогда не кончались и переплетались, как кружево: то уходили на небо к Отцу и его звёздному племени, то спускались в подземные пещеры, где таился после ущерба луны страшный бог, Лунный Дракон, или убегали в далёкие степи, туда, где живут странные боги Молокоеды, у которых лица людские, а копыта конские. Они скачут повсюду вслед за стадами скота и, дивное дело, сосут молоко, как телята.

– Яррий кормил меня, – повторил Дило упавшим голосом.

Ронта поспешно вынула изо рта собственную жвачку и сжала её в горсти. Это был её последний глоток.

– Иди, – сказала она мальчику, – во имя Яррия...

Дило быстро подполз, положил ей голову на колени, закрыл глаза и открыл рот. И она вложила ему свой кусок, как матка баклана вкладывает жвачку голодному птенцу. Она отдала ему не только собственную пищу, но соки собственного рта. Мальчик удержал её руку и стал тщательно облизывать ладонь. Он не желал терять ни единой питательной капли, или, быть может, благодарил её, как благодарят ручные звери за ласку.

На другом конце лагеря собрались младшие мальчики, которые были слишком малы для лесного промысла. Но даже эти малыши были настроены более хищно, чем девочки. Они обступили со всех сторон своего товарища Рума.

– Дай! – кричали они сердито и назойливо. В голодные дни этот детский крик раздавался на стойбище с утра до вечера.

– Дай! – кричали мальчики и наступали на Рума.

Рум прижимал к груди желтоватого щеночка шакальей породы. У щеночка была острая мордочка, и чёрные глазки его бегали по сторонам. Он, по-видимому, хорошо сознавал опасность своего положения.

Дети нередко подбирали и выкармливали щенят, лисенят, молодых зайчат, даже воронят и гусенят, но все эти питомцы быстро вырастали и уходили на волю или попадали под нож. Держать взрослых зверей в полуголодном лагере было бы слишком накладно.

Но шакалий щеночек Рума был особенный. Он совсем не рос. Уже два раза он зимовал в лагере и остался таким же, как прежде.

В сущности, это был не щенок, а взрослый шакал-карлик. Он был совсем ручной и никуда не хотел уходить: должно быть, понимал, что слишком мал и беззащитен, чтобы жить на воле. Его могли бы съесть собственные, более крупные братья. Зато Рум очень любил его и называл тоже Румом. Они спали вместе, и мальчик делил с ним последний кусок. И даже в эти голодные дни рёбра младшего Рума-шакала выдавались меньше, чем у его двуногого тёзки.

– Дай! – кричали малыши. – Убьём!..

Они хотели съесть четвероногого Рума. По закону Анаков, в голодные дни никакая живность в лагере или вне его не избавлялась от ножа, даже рогатые змеи, которые в обычное время считались священными и получали жертвы.

Лиас и Антек тоже были здесь. Они бросили мать, от которой ничем нельзя было пожить, и вместе с другими наступали на обоих Румов.

– Дай! – кричал Лиас.

Он схватил камешек и бросил его в голову Старшему Руму. Но рука Лиаса была ещё не верна. Камень попал в голову Руму Младшему, желтоватому шакалу. Шакал жалобно взвизгнул. Рум старший тоже взвизгнул. Потом глаза его загорелись зелёным светом, как у рыси. Он бросил на землю своего мохнатого друга, схватил из костра головню и кинулся на обидчика.

Зубы его оскалились, спутанные волосы на голове встали дыбом. Озадаченные мальчишки отступили. Рум швырнул головню, подхватил шакала на руки и бросился вон из лагеря по тропинке, ведущей в лес.

Мальчишки тотчас же опомнились и бросились было вслед за ним с гиканьем и свистом, но в это время на тропинке показалась новая фигура. Это была высокая девушка, темноволосая, в плаще из волчьей шкуры. Она шла, опираясь на длинное копьё, и несла на плече большую бурую птицу, крылья которой волочились по земле. В руке она держала светло-серого зайца. Это была Высокая Дина, охотница женского лагеря. Она принесла соплеменницам охотничью добычу.

Младшие мальчишки обступили охотницу, дёргали её за плащ, хватили за перья орла. Девочки тоже сбежались со всех сторон, как белки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.